Гончарова С.А.

Как Лёша Ваньку воспитывал

(Метод обратной пакости)

Светлана Гончарова

Как Лёша Ваньку воспитывал. Метод обратной пакости

«Автор»
2026

Гончарова С. А.

Как Лёша Ваньку воспитывал. Метод обратной пакости /
С. А. Гончарова — «Автор», 2026

В цехе №7 ОАО «Автогут» есть две легенды. Ванька Кукушкин — виртуозный пакостник, от которого страдают и станки, и начальство. Он приклеивает Бородулю к стулу, запенивает дверь кабинета и тихо смеётся в углу. Лёша Морозов — тихий технолог, которого все считают просто спокойным работягой.Но когда терпение коллектива лопается, Лёша объявляет войну. Не кулаками и криком, а методом, который позже назовут «обратной пакостью». Он начинает воспитывать Ваньку на его же языке: записки от имени Духа завода, суперклей, испорченный инструмент и неожиданные ловушки.Что победит: хаос или система? И можно ли перевоспитать человека, играя по его же правилам?Сатирическая производственная проза. Живые диалоги, заводской колорит и история о том, как терпение и юмор побеждают даже самого отъявленного хулигана.

© Гончарова С. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 5
Глава 1 Герой нашего времени 7
Глава 2 Теория хаоса 10
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Светлана Гончарова
Как Лёша Ваньку воспитывал. Метод обратной пакости

Глава

Меня зовут Света. Или, как меня называют на заводе, «Светлана Павловна». Я помощник директора ОАО «Автогу». Сижу в приемной, вижу всех, знаю всё. Производственные планы, отчеты по браку, жалобы от ОТК, а еще, кто с кем поругался, кто спит с кем из бухгалтерии и почему Ванька из седьмого цеха опять прячется от Петровича в женском туалете.

Когда токарь Сергей сказал, что пишет книгу про Лёшу и Ваньку, я подумала: «Серёжа, ты бы лучше детали точил». Но потом он показал первые страницы. Я смеялась так, что директор выглянул из кабинета и спросил, не случилось ли чего. Случилось. Я поняла, что эта история достойна не только заводских баек, но и бумаги. Только Сергей, как любой мужик, пишет коряво: диалоги у него лихие, а вот композиция хромает.

Поэтому мы договорились. Он диктует в курилке, я записываю в приемной. Правки вношу после того, как Петрович нальет мне чаю и скажет: «Светлана Павловна, ну вы же умная женщина, объясните этому дураку, как надо».

В итоге получилось то, что вы держите в руках. Все имена изменены, но если вы работаете на заводе, вы узнаете каждого. Если не работаете, узнаете всё равно. Потому что такие, как Ванька, Кукушкин Иван Степанович, рождаются на каждом заводе, в каждой конторе, в каждом коллективе. Бесы в гаечных ключах.

А теперь – поехали. Петрович уже нервничает, а Ванька, кажется, опять что-то задумал…

В моем кабинете, если честно, всегда шумно. Не от того, что директор кричит (он кричит редко, только когда план горит), а от того, что через приемную проходит весь завод. На вахте бумажки оставить, премию выбить, на Ваньку пожаловаться. Последнее самое частое.

– Светлана Павловна, – входит Петрович, начальник седьмого цеха, и дышит так, будто за ним гнались. – Ну сколько можно?

– Что опять, Сергей Петрович? – я откладываю отчет и смотрю на его красное лицо.

– Кукушкин! – выдыхает Петрович и садится на стул, предназначенный для важных гостей, хотя сам он гость тут неважный, а свой до мозга костей. – Приклеил Бородулю к стулу. Понимаете? Приклеил! Намертво! Эпоксидной смолой! Бородуля теперь сидит в ОТК как памятник сам себе, а этот… этот гибрид обезьяны и гаечного ключа стоит в углу и смеется. Тихо так. В себя.

– А что Лёша? – перевела разговор я на другую тему.

– Что Лёша? – Петрович недоуменно моргает. – Лёша детали точит.

– Ну вот и хорошо, – говорю я. – Значит, скоро всё наладится.

Петрович смотрит на меня с таким выражением, будто я сказала, что завтра завод переведут на производство ватных игрушек. Он еще не знает. Никто тогда еще не знал, что этот эпизод с эпоксидной смолой станет той самой соломинкой, которая сломает спину верблюда. Или, если говорить точнее, той самой гаечкой, которая докрутит гайку.

Потому что Лёша Морозов, токарь-универсал, человек, который за три года хорошо себя зарекомендовал, в тот вечер остался после смены. Я видела, как он не вышел с потоком. Видела, как свет в цехе горел до десяти. И видела его лицо на следующее утро. Спокойное. Даже умиротворенное. Как у человека, который наконец-то понял, как собрать тот самый проклятый пазл.

В тот день началась война. Негромкая, незаметная для посторонних, но война. Лёша объявил ее не словами, не криком, не кулаками. Он объявил ее методом. Тем самым, который потом назовут «методом обратной пакости».

Эта история, как тихий технолог воспитывал заводского шута. Как один хитрый, терпеливый, умный мужик взялся за другого, вроде бы безнадежного, но не безнадежного вовсе. Как они прошли путь от врагов до соратников. Как Ванька смеялся последним, а потом смеялся вместе со всеми, но уже над собой.

Я всё это видела. Из своего кабинета. Через окно, выходящее в цех. По отчетам, которые подписывал директор. По рожам мужиков, которые заходили ко мне с вопросом: «Светлана Павловна, а вы не знаете, это Лёша или Ванька? Мы уже путаемся».

Знали. Я всё знала.

Но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, как говорил мой дед, тоже работяга с завода. А уж если услышать, то от самих участников.

Поэтому начнем.

Петрович тогда еще не знал, что история с эпоксидной смолой это только цветочки. Ягодки, как это часто бывает, были впереди. И собрал их Лёша Морозов, человек, который говорил так тихо, что его приходилось слушать. А слушал его весь завод.

Глава 1 Герой нашего времени

Цех номер семь ОАО «Автогу» просыпался медленно, с неохотой, как старый медведь после спячки. Сначала загудели лампы дневного света, противно, с натугой, будто их кто-то душит. Потом ожил конвейер, лязгнул, дернулся и пошел, застучал своими железными позвонками. Потом запахло маслом, озоном и чем-то еще неуловимым – тем самым заводским духом, который не выветривается ни из одежды, ни из носа, ни из памяти.

Мужики заходили в проходную кто с авоськой, кто с термосом, кто просто с сигаретой в зубах. Перекидывались парой слов с вахтершей тетей Зиной, которая знала всё обо всех, но делала вид, что ей всё равно. Ставили отметки в журнале, спускались в цех.

Петрович уже стоял у своего стола, листал наряды, пил чай из кружки с надписью «Лучший начальник цеха», которую ему подарили к прошлому Новому году. Кружку подарили, а сам он себя лучшим не считал. Особенно когда видел, что происходит на вверенной ему территории.

– Доброе утро, Сергей Петрович, – сказал Лёша, проходя мимо.

– Утро, Морозов, – буркнул Петрович, даже не поднимая головы. – Какое оно доброе, если Кукушкин уже здесь? Трется около проходной.

Лёша не ответил. Он вообще не любил говорить много. Разделся, надел робу, проверил станок. Всё как всегда. Ровно и спокойно.

Ванька Кукушкин появился ровно в восемь пятнадцать. Опоздал на пятнадцать минут, но с таким видом, будто эти пятнадцать минут он спасал мир. Влетел в цех, роба нараспашку, волосы торчком, глаза горят.

– Здорова, мужики! – гаркнул он на весь цех.

– Здоров, Кукушкин, – нестройно ответили ему.

– Чего такой веселый? – спросил Колян, не отрываясь от станка. – Премию дали?

– Лучше, – Ванька подмигнул и потер руки. – Идея есть.

Тоха, который работал рядом с Коляном, переглянулся с напарником. У них был негласный закон: когда Ванька говорит «идея», надо искать, куда спрятаться.

– Какая идея? – осторожно спросил Тоха.

– Арт-объект сделаю, – гордо заявил Ванька. – Не хотите участвовать?

– Не хотим, – сказали Колян и Тоха хором.

– Ну и зря, – Ванька ничуть не расстроился. – Вы еще пожалеете.

Он прошел к своему станку, на ходу застегивая робу, и столкнулся с Лёшей. Тот стоял у верстака, проверял заготовки.

– Здорова, Леха, – сказал Ванька, заглядывая ему в лицо. – Чего такой серьезный? Жизнь удалась?

– Удалась, – спокойно ответил Лёша. – А у тебя?

– У меня – во! – Ванька показал большой палец. – План есть. Грандиозный.

– Удачи, – сказал Лёша и отвернулся к станку.

Ванька постоял секунду, будто ждал, что Лёша спросит про план. Но Лёша не спросил. Тогда Ванька пожал плечами и пошел к своему рабочему месту.

Через час Петрович вышел из своей каморки и обнаружил, что на двери кабинета ОТК висит табличка «Санэпидемстанция. Идет дезинфекция. Вход воспрещен». Бородуля сидел внутри и не выходил, потому что думал, что за дверью действительно санэпидемстанция. Вышел он только когда Петрович сам открыл дверь и рявкнул:

– Семен Исаакович! Вы там уснули?!

Бородуля выглянул, огляделся, увидел табличку, снял ее, повертел в руках.

– Это кто? – спросил он тихим, но очень опасным голосом.

– Кукушкин, – вздохнул Петрович. – Кто ж еще.

Ванька стоял у своего станка, делал вид, что безумно занят. Но плечи его мелко тряслись. Он смеялся. Тихо так, в себя. Как всегда.

Петрович подошел, встал напротив.

– Кукушкин.

– А? – Ванька поднял невинные глаза.

– Табличку убрал.

– Какую табличку?

– Ту, что ты на дверь ОТК повесил.

– Я не вешал, – Ванька покачал головой. – Может, само приклеилось.

– Само, – Петрович тяжело вздохнул. – Слушай, Кукушкин. Тебе делать нечего? План не горит? Детали не ждут?

– Всё под контролем, Сергей Петрович, – бодро отрапортовал Ванька. – Я творчеством занимаюсь.

– Творчеством, – повторил Петрович с таким видом, будто понюхал что-то дурно пахнущее.

– Ты бы творчество свое в другое место направил. В ДК, например. Там тебе и сцена, и зрители.

– Там зрители не те, – Ванька вздохнул и покачал головой. – Там публика неподготовленная.

– А здесь, значит, подготовленная?

– Здесь – свои. – Ванька расплылся в улыбке. – Здесь понимают.

Петрович открыл рот, чтобы сказать что-то еще, но в этот момент Лёша, который работал за соседним станком, поднял голову и сказал спокойно, даже буднично:

– Сергей Петрович, а вы табличку посмотрите внимательно. Она же не просто так висела.

Петрович посмотрел на табличку. Перевернул. На обороте мелким, аккуратным почерком было написано: *«Автор – Кукушкин И.С. Сделано на совесть. Не ломайте, пригодится еще»*.

В цехе повисла тишина. Ванька перестал смеяться. Его лицо вытянулось. Потому что на табличке был не его почерк. Ванька писал как курица лапой. А тут было каллиграфически ровно, почти печатно.

– Это не я, – сказал Ванька.

– А чья подпись? – Петрович ткнул пальцем.

– Не моя!

– А чья?

– Я не знаю! – Ванька огляделся. Мужики смотрели на него. Кто-то ухмылялся, кто-то просто ждал развития событий. – Кто-то подставил!

– Тебя, – Петрович кивнул, – подставили. Кукушкина, который каждый день пакостит. Представляешь?

– Это правда! – Ванька уже не улыбался. – Кто-то хочет меня подставить!

Лёша снова склонился над станком. Никто не заметил, как уголок его губ дрогнул. Едва заметно. Почти незаметно.

Петрович вздохнул, убрал табличку под мышку.

– Ладно. Работаем. Кукушкин, премии не будет. Бородуля, иди работай, дезинфекция кончилась.

Он ушел. Мужики вернулись к станкам. Ванька стоял посреди цеха, растерянный и злой.

– Кто? – спросил он тихо, ни к кому не обращаясь.

Никто не ответил.

А Лёша включил станок, и цех наполнился привычным, успокаивающим гулом. В этом гуле, среди запаха масла и металла, начиналось что-то новое. Что-то, что потом назовут Методом.

Ванька еще не знал, что это был первый выстрел. Не его. И что ответный огонь ему только предстоит.

– Светлана Павловна, вы бы чайку выпили? – заглянула в приемную уборщица тетя Клава. – А то вы весь день за компьютером, глаза устанут.

– Спасибо, Клавдия, – я оторвалась от клавиатуры. – Давай. И печенье возьми, в верхнем ящике.

Пока тетя Клава наливала чай, я смотрела в окно приемной, откуда был виден край седьмого цеха. Горел свет. Значит, работают. Значит, всё идет как надо.

– Это вы про Лёшу и Ваньку пишете? – спросила тетя Клава, ставя кружку на стол.

– Откуда знаешь?

– Да весь завод говорит. Мужики ждут. Говорят, поржете, как в кино. А правда, что Ванька потом директорским советником стал?

– Правда, – улыбнулась я. – Не совсем советником, но что-то вроде того.

– Вот это метод, – покачала головой тетя Клава. – Надо ж было додуматься. А Лёша-то, Лёша… тихоня, а оказался…

– Оказался, – согласилась я. – Оказался тот, кто понял: Ваньку не переломаешь. Его надо переиграть.

– И переиграл, – тетя Клава улыбнулась, подхватила швабру и вышла.

Я допила чай, сохранила файл и нажала «печать». Завтра утром отдам распечатку мужикам в седьмой. Пусть читают. Пусть знают, как у нас тут героев воспитывают.

Глава 2 Теория хаоса

После истории с табличкой Ванька ходил злой ровно три дня. Это был новый, невиданный доселе феномен. Мужики в цехе привыкли, что Ванька – это вечный двигатель, источник шума, смеха и мелких, но неизбежных неприятностей. А тут он сидел за своим станком, точил детали и молчал.

– Смотри, – шепнул Колян Тохе, кивая в сторону Ваньки. – Кукушкин план перевыполняет.

– Перевыполняет, – согласился Тоха. – Это он от обиды.

– От какой обиды?

– Его же подставили, а он даже не знает кто.

Колян хмыкнул.

– А может, он просто пакость готовит? Молчаливую такую?

Тоха задумался.

– Ванька молчаливую пакость не умеет. Он же артист. Ему публика нужна.

Ванька и правда не умел долго молчать. На четвертый день он не выдержал.

– Мужики! – гаркнул он, заглушая гул станков. – Общее собрание!

– Ты кто, профсоюз? – лениво отозвался Петрович из своей каморки, но высунулся.

– Сергей Петрович! – Ванька подбежал к двери начальника. – Я заявление хочу написать!

– Какое? Об увольнении? – с надеждой спросил Петрович.

– Нет! – Ванька даже обиделся. – О проведении служебного расследования!

Петрович снял очки, протер их, надел снова. Посмотрел на Ваньку так, будто видел его впервые.

– Служебного расследования, говоришь.

– Да! – Ванька был полон решимости. – Кто-то на моем рабочем месте, – он сделал паузу, подбирая слово, – диверсию устроил!

– Кукушкин, – Петрович вздохнул так тяжело, что, казалось, сейчас выдохнет всю душу. – Ты вообще понимаешь, что говоришь? Диверсию на твоем рабочем месте. А что у тебя там, ракетный комплекс? Токарный станок, Кукушкин. Обыкновенный токарный станок. И табличка была. Обыкновенная табличка.

– Но это же был подлог! – Ванька перешел на крик, что в замкнутом пространстве начальничьей каморки звучало особенно громко. – Подделка подписи! Дискредитация честного имени!

– Честного имени, – повторил Петрович с таким выражением, будто Ванька только что рассказал анекдот про зайчика. – Слушай, Кукушкин. Ты за три месяца: приклеил Бородулю к стулу, вылил ведро воды на мастера из соседнего цеха, подсыпал стружку в ботинки трем слесарям, переставил настройки на станке у Морозова, из-за чего он три детали бракованных сделал, и это я еще не вспоминаю про табличку с санэпидемстанцией. И ты говоришь о дискредитации?

– Но это другое! – Ванька даже руками замахал. – Это творчество! А там – подстава!

– Ваня, – Петрович встал, подошел к нему вплотную. Рост у Петровича был невелик, но вес – солидный, и когда он вставал вплотную, это действовало безотказно. – Ваня. Ты меня слышишь?

– Слышу, – Ванька попятился к выходу.

– Если ты сейчас же не пойдешь к своему станку и не сделаешь дневную норму, я устрою такое служебное расследование, что ты не только таблички, ты свои руки-крюки вспоминать будешь с содроганием. Всё понял?

– Всё, – Ванька вылетел из каморки и почти врезался в Лёшу, который спокойно стоял у двери с готовым нарядом.

– Осторожно, – сказал Лёша.

Ванька посмотрел на него. В глазах Лёши не было ничего. Ни насмешки, ни злорадства, ни даже обычного любопытства. Спокойствие. Штиль.

– Слышь, Леха, – Ванька замялся. – Ты табличку не видел? Ну, когда она висела?

– Какую табличку? – Лёша поднял бровь.

– Ну эту… на дверях ОТК.

– А, – Лёша кивнул. – Видел.

– И что?

– Что – что?

– Ну, кто повесил? – Ванька заглядывал ему в лицо, пытаясь прочитать ответ до того, как он прозвучит.

Лёша пожал плечами.

– Не знаю. Я работал.

– Работал, – повторил Ванька с каким-то новым, незнакомым чувством. Ему казалось, что все вокруг что-то знают, но молчат. А Лёша… Лёша молчал лучше всех.

– Иди работай, – спокойно сказал Лёша и пошел к своему станку.

Ванька остался стоять посреди цеха. Колян и Тоха, которые наблюдали за этой сценой, переглянулись.

– Слышь, – шепнул Тоха. – А ты заметил, что Лёша за последние дни какой-то… другой стал?

– В смысле другой? – не понял Колян.

– Ну… спокойный.

– Он всегда спокойный.

– Нет, – Тоха покачал головой. – Раньше он был спокойный как… как станок. Работает себе и работает. А сейчас он спокойный как… как удав. Который смотрит на кролика.

– На какого кролика? – не понял Колян.

– На Ваньку, – Тоха понизил голос до шепота. – Ты посмотри, как он на него смотрит.

Колян присмотрелся. Лёша стоял у своего станка, проверял заготовки, и да, взгляд у него был… странный. Не злой, нет. Изучающий. Как у человека, который решает сложную, но интересную задачу.

– Да ладно, – отмахнулся Колян. – Лёша – мужик правильный. Он пакостями не занимается.

– А табличка?

– А что табличка?

– Почерк, – Тоха многозначительно поднял палец. – Ты видел тот почерк?

– Ну, видел.

– У Ваньки такой почерк? – Тоха посмотрел на напарника с видом Шерлока Холмса, который наконец-то нашел улику.

Колян задумался. Ванька писал, как курица лапой, это правда. А на табличке было аккуратно, ровно, почти печатно.

– Думаешь, Лёша?

– Не знаю, – Тоха развел руками. – Но кому еще это надо? Ванька всех достал. Может, кто-то решил его проучить.

– Но чтобы Лёша… – Колян покачал головой. – Не верю. Он же интеллигентный.

– Интеллигентные по-другому мстят, – глубокомысленно заметил Тоха. – Не кулаками, а…

Он не договорил, потому что Ванька внезапно оказался рядом.

– Чего шепчетесь? – спросил он подозрительно.

– Ничего, – Колян и Тоха разом уставились на свои станки. – Работаем.

Ванька посмотрел на них, посмотрел на Лёшу, который спокойно точил деталь, и вдруг сказал громко, на весь цех:

– Я знаю, кто это сделал!

Станки замолкли. Не потому, что их выключили, а потому, что напряжение стало таким плотным, что, казалось, его можно резать резцом.

– И кто? – спросил Петрович из своей каморки, даже не выходя.

– Я еще не знаю, – признался Ванька. – Но я узнаю! И тогда…

– Что тогда? – Петрович всё-таки вышел, оперся о косяк, сложил руки на груди.

– Тогда он получит! – Ванька потряс кулаком.

– Кукушкин, – Петрович вздохнул. – Ты сейчас так потрясешь, что рука отвалится. Иди работай.

Ванька хотел возразить, но под взглядом Петровича сдулся, развернулся и пошел к своему станку. Но проходя мимо Лёши, он замедлил шаг.

– Леха.

– М? – Лёша не обернулся.

– Ты же умный. Как думаешь, кто?

– Не знаю, – Лёша взял новую заготовку, установил в станок. – Может, тебе стоит меньше пакостить? Тогда и подставлять никто не будет.

– А я не пакощу! – возмутился Ванька. – Я творю!

– Твори, – Лёша кивнул на его станок. – Только детали не бракуй. А то Петрович опять премии лишит.

Ванька хотел ответить что-то острое, но не придумал. Повернулся и пошел.

А Лёша, дождавшись, пока Ванька отойдет, выключил станок и достал из кармана робы маленький блокнот. Открыл, что-то написал. Потом так же спокойно спрятал обратно и снова включил станок.

Никто этого не видел. Кроме Тохи. Но Тоха промолчал. У него было предчувствие, что в этом противостоянии лучше быть зрителем, а не участником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.